

Начальник 2

*Или как в ином мире
кончились расходники*

Monsieur Илья

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Monsieur Пуга

**Начальник 2, или Как в ином
мире кончились расходники**

«Автор»

2026

Пуа М.

Начальник 2, или Как в ином мире кончились расходники /
М. Пуа — «Автор», 2026

В пятницу в шестнадцать сорок у меня пропал завод. Вместе со мной, пятью мужиками и сорока одним гектаром асфальта, обрезанного по кругу. Людей тут не видели триста пятьдесят лет. Солярки в баках – на тридцать семь суток. Здешний дворф куёт наконечник полдня и ставит клеймо. Наш станок точит такой же за минуту, и точит подмастерье. Одинаковых болтов на континенте нет ни одного. А мне заказали десять тысяч. Нас записали в реестр как имущество, найденное в долине, и весной придут решать, чьё. Кузнечный клан обещал закрыть нас по-другому. До весны надо поставить вагранку, пережить ледостав и сварить пива: иначе сварка встанет.

© Пуа М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Monsieur Пуга

Начальник 2, или Как в ином мире кончились расходники

Глава 1

Стекло треснуло на девятой скобе.

Звук был короткий и сухой, и сперва я решил, что это щёлкнул ремень на валу. Я стоял у пресса, смотрел, как Гера перекидывает вилкой ремень с холостого на рабочий, и не обернулся. Обернулся я, когда Стас сказал из-за станка слово, которого Саныч при молодых не одобряет.

Лазер уже стоял. Стас успел ударить по красной кнопке, и в цеху стало слышно, как гудит чиллер и как стучит машина у стены.

– Рустам, – сказал Стас. – Рустам, иди сюда.

Рустам положил резец, вытер руки ветошью и пошёл, не торопясь. Он всегда шёл к лазеру не торопясь, даже когда горело, и Саныч говорил, что так ходят к начальству и к покойнику.

Скоба лежала на столе в дыму. Контур по ней шёл чистый до половины, а дальше кромка поплыла, раздалась вдвое, и по краю пошёл нагар, рыжий, с бахромой. Там, где рез кончился, в листе стояла обугленная ямка.

– Стекло, – сказал Стас. – Слышал? Щёлкнуло.

– Слышал.

Рустам снял кожух с головы. Делал он это медленно, по винту, и винты складывал в крышку от банки. Потом вынул защитное стекло в оправе, подержал его на весу и отнёс под лампу.

Мы подошли все, кто был. Гера с вилкой, Саныч от горна с клещами, Славик от щитка. Ларни у горна не бросил, у него сидела заготовка в огне, но голову повернул.

Стекло было круглое, с пятак, и через него было видно лампу. Почти от края к середине шла трещина, тонкая, и от неё в сторону ещё две, короче. Сходились они у тёмной точки, маленькой, с маковое зерно. Вокруг точки стекло помутнело кольцом.

– Грязь, – сказал Рустам. – Прикипела. Луч в неё упёрся, она грелась, стекло не выдержало.

– Я его утром смотрел, – сказал Стас.

– Смотрели. Утром свет плохой.

Стас ничего не ответил. Утром свет у нас правда плохой: лампы под балками горят жёлто, а в окна до девяти ничего не видно, одна синева.

– Сколько их было? – спросил Гера.

– Шесть, – сказал Славик от щитка. Он сказал это раньше, чем Гера договорил, и мы все посмотрели на него. – Шесть в коробке и это на станке. Теперь пять.

Рустам положил треснувшее стекло на ветошь, отдельно, и пошёл вниз, в подвал, за второй дверью. Ключ от второй двери Славик отдал ему сам, из кармана, и стоял у лестницы, пока Рустам не вернулся.

Новое стекло Рустам вставлял дольше, чем снимал старое. Протёр оправу. Протёр гнездо. Вынул стекло из бумаги, посмотрел на просвет, дунул, посмотрел опять. Поставил. Закрыв кожух, по винту, из крышки от банки.

– Пробуйте, – сказал он Стасу.

Стас пустил десятую скобу. Контур лёг чистый от начала до конца, и кромка была такая, какая у нас бывает всегда: серая, без бахромы, с тонкой радужной полоской.

Никто не сказал ни слова. Гера вернулся к прессу. Саныч к горну. Славик ушёл к щитку и открыл тетрадь.

Скобы эти заказал Тург Головня, старшина железного ряда в Бочках. Заказ привёз Гриша, на прошлой неделе, вместе с мукой, и пересказывал его долго, с удовольствием, глотая половину слов. Из Вагги в Бочки слух дошёл за две недели, как и положено, и дошёл так: за столом меры в Вагге теперь меряют скобой с кружком, и ряды берут эти скобы у гильдии по марке. Тург послушал, посчитал и решил, что в Бочках ряд будет мерить тем же, чем в Вагге, и скобы будет брать у того, кто их режет, мимо гильдии. Тридцать штук, на свой ряд и на соседей, по марке.

– Он сказал, по марке, – повторил Гриша. – Сказал, в Вагге по марке, и я не дам меньше. Он хитрый. Если он даст меньше, выйдет, что его ряд хуже ваггского.

Тридцать марок за три дня работы станка. Славик, услышав это, сказал, что лучшего заказа у нас не было с первого мешка гвоздей, и тут же спросил, сколько стоит защитное стекло. Спросил он это в шутку. Никто не засмеялся, и Славик больше не шутил.

Теперь это стоило одного стекла из шести.

Я постоял ещё у станка.

– Грязь откуда? – спросил я.

Стас пожал плечами. Потом посмотрел мимо меня, вдоль прохода, туда, где у ворот стоял горн, и где Ларни как раз вынимал из огня заготовку, и над горном, под балками, висело серое облако. Оно висело там с тех пор, как мы поставили горн в цеху, и мы к нему привыкли за месяц настолько, что перестали его видеть.

– Оттуда, – сказал он.

Горн у ворот горел с утра до ночи с тех пор, как мы стали бить болты для Хорна. Топили его своим углём, жжёным в земле, с пылью и с мелочью, и за день уходило два мешка. У ворот от горна было тепло, и зимой туда тянулись все. Под балками висел дым.

Дым этот я видел каждый день. Про стекло я ни разу не подумал.

– Горн не уберём, – сказал Гера, когда мы собрались у щитка. – Две тыщи болтов до ледохода. Ильда считать будет каждый.

– Никто и не говорит убирать.

– Я на всякий случай говорю.

– Лазер тоже не уберём, – сказал Стас. – Его и не поднять.

– Тогда отгородим, – сказал Саныч.

Он сказал это просто, и все повернулись к нему, и он пожал плечами.

– В пятом корпусе у нас покрасочная стояла в том же пролёте, что шлифовка. Шлифовка пылит, покраске пыль смерть. Отгородили брезентом до потолка, и живи. Двадцать лет простояло.

Я посмотрел на лазер. Станок стоял в углу, у дальней стены, и от горна до него было метров тридцать. Дым доходил и туда, это было видно: на кожухе чиллера лежал серый налёт, и если провести пальцем, оставалась полоса.

Отгораживали после обеда.

Доски у нас были, из тех возов, что я купил ещё осенью, и брезента было два куска, большой от склада и малый, которым мы накрывали уголь. Уголь Гера накрыл рогожей и сказал, что так даже лучше, мешки дышат. Каркас сварил Рустам, из уголка, по трём сторонам станка, до самых балок. Доски шли снизу, в человеческий рост, выше брезент. Щели между досками Саныч конопатил паклей, стоя на ящике и ругаясь на паклю, на доски и на то, что в пятом корпусе у них была нормальная плёнка.

Дверь сделали из того же брезента, на рейке, внахлест, чтобы входить боком.

К вечеру вышла коробка. Внутри лазер, чиллер, стол и Стас. Снаружи всё остальное.

– Как в бане, – сказал Гера, заглянув внутрь.

– В бане хоть пар, – сказал Стас.

Мы опустили брезентовую дверь, включили лазер и пустили скобу. Резалось хорошо. Дым от реза уходил в вытяжку, и воздух внутри был чистый, без серой взвеси, и лампа, которую Рустам повесил над столом, горела белее, чем все остальные в цеху.

На пятой скобе запищал чиллер.

Писк был тонкий и противный, и я его раньше слышал только однажды, в первые дни, когда Стас включил станок, не долив воды. Стас сунулся к экрану чиллера и выругался второй раз за день.

– Греется, – сказал он. – Двадцать девять. Он в двадцать пять пищит.

– А снаружи он сколько держал?

– Снаружи двадцать. Он же воздухом охлаждается, Тём. Сзади вентилятор. Горячее выдувает. А куда ему теперь выдувать, в брезент?

Я посмотрел на заднюю стенку чиллера. Вентилятор гнал тёплый воздух прямо в доски, и от досок он возвращался обратно, к передней решётке, и чиллер пил собственный выдох.

Лазер остановили. Брезентовую дверь откинули настежь. Чиллер попищал ещё минуту и затих.

– Ну заебись, – сказал Саньч с ящика. – Отгородили.

Гера засмеялся. Смеялся он громко и долго, и Саньч сначала сердился, а потом засмеялся тоже.

– Дыру надо, – сказал Рустам. – Сзади. На улицу.

– На улицу холодный пойдёт, – сказал Стас. – Минус двадцать. Он замёрзнет, у него вода внутри.

– Не на улицу. – Рустам подумал. – В цех. Над горном тепло.

Он снял с полки обрезок трубы, из тех, что остались от вала, и приложил к задней стенке коробки, против вентилятора чиллера. Труба была толстая, в две ладони. Рустам посмотрел на неё, потом на балки, потом на горн.

– Коробом, – сказал он. – Из жести. От вентилятора вверх, под балки, и в цех. Горячий воздух туда, где и так тепло.

– А дым назад по коробу не пойдёт? – спросил Славик.

Рустам подумал ещё.

– Не пойдёт, если дуть. Чиллер дует.

– А когда чиллер стоит?

– Заслонку, – сказал Рустам. – Как в печи.

Короб гнули вечером, из жести от старой вытяжной трубы. Гера держал, Рустам гнул на краю плиты киянкой, Саньч клепал. Вышло кривое колено в рост человека, и его подвесили на проволоке к балке, так что тёплый воздух от чиллера уходил под крышу над проходом. Заслонку сделали из того же листа, на гвозде вместо оси, с грузиком из гайки, чтобы сама падала, когда вентилятор встаёт.

Я стоял у щитка и смотрел, как они это вешают.

Утром Стас пустил лазер, закрыл дверь и простоял у экрана чиллера полчаса. Двадцать один. Двадцать один. Двадцать два. Двадцать один.

– Держит, – сказал он, выглянув.

– Сколько скоб?

– Шесть. Режу седьмую.

После обеда Рустам снял кожух и вынул стекло. Посмотрел на просвет. Чистое. Показал мне, и я посмотрел тоже. Стекло было чистое.

– Каждый день смотреть, – сказал Рустам. – Два раза. Утром и после обеда. И при своей лампе, не при общей.

Стас кивнул.

У горна весь этот день стоял Ларни. Бил он, как всегда, в такт, и между двумя болтами поднимал голову и смотрел на брезентовую коробку в дальнем углу. Смотрел недолго, и снова бил. Я подошёл к нему, когда Гера ушёл за углём.

– Интересно?

Он подумал, прежде чем ответить. Ларни всегда думал, прежде чем ответить, и думал долго, и я привык ждать.

– Туда тоже нельзя? – спросил он.

– Туда никому нельзя. Только Стасу и Рустаму. Мне тоже без дела нельзя.

Ларни кивнул. Сунул заготовку в огонь, подержал, вынул. Посмотрел на цвет.

– У деда тоже такая комната была, – сказал он. – Со шторой. Туда тоже нельзя было никому.

Он положил заготовку в матрицу и ударил, и больше про комнату не говорил. Я не спрашивал.

Весь этот день Гера, проходя мимо меня, смотрел на мои руки. Раз на пятый я спросил, чего он.

– Ты ими махал, – сказал он. – Там, у короба. Я видел.

– Я показывал, куда вешать.

– Вот и показывай головой, – сказал Гера. – Кивком. Как Хёгни.

И пошёл дальше, к прессу. Руки у меня были в карманах с того самого утра после верстака, и доставал я их без нужды редко. Гера это знал, и всё равно смотрел.

Считали у щитка вечером, когда остальные ушли ужинать.

Славик раскрыл тетрадь на той странице, где наверху было написано: светильники. Под этим словом с прошлой недели стояло три строки. Сто. Линзы – две. Знаки – ноль.

Он перевернул лист и начал новый.

– Давай по порядку, – сказал он Стасу. – Что ест. Всё.

Стас сел на ящик напротив, с чистым стеклом в оправе, которое снял после обеда и так и держал в руке. Держал он его за оправу, двумя пальцами, и я видел, что держит он его, чтобы было что держать.

– Стекло, – сказал Стас. – Пять. Одно на станке. Это стекло стоит, пока его не убьёшь. Грязь, брызги, сопло забилося, дым. Вчера мы его убили за девять скоб, а старое стояло с самого начала, с Земли. Значит, если беречь, оно стоит месяцами.

– Месяцами сколько?

– Не знаю. На Земле его меняли, когда пачкалось. Никто не считал.

Славик записал: стекло – пять, беречь.

– Сопло?

– Сопло Рустам точит. Из меди. Родное съелось за месяц, Рустамово стоит второй месяц. Четыре земных в коробке. Сопло не считаем.

Славик записал: сопло – точим.

– Газ?

– Кислород на толстое. Два баллона и один початый. Тонкое режу на воздухе от компрессора, скобы и пластины на воздухе. Кислород берегу на то, что не режется воздухом.

– А компрессор...

– Компрессор от щитка. Считает Славик. – Стас посмотрел на него. – Ты считаешь.

– Я считаю, – согласился Славик и записал: газ – два и початый, кислород на толстое.

– Линза, – сказал я.

Стас положил стекло на колено.

– Линза. Одна на станке, две в подвале. На станке родная, с Земли. Сколько в ней осталось, не знаю. По паспорту линзе пишут часы, если её не пачкать. Две тысячи. Три. Смотря какая. Паспорт у нас на китайском и на английском, английский я читаю через слово.

– А по-английски там что?

– Там написано: менять при потере мощности. – Стас пожал плечами. – Мощность падает, рез хуже. Режешь медленнее, газ больше, кромка поплыла. Потом совсем не режет.

– Сколько у неё часов уже?

– На счётчике тысяча сто сорок. Это с того дня, как станок привезли в цех. До нас на нём резали в другом месте, сколько, не знаю.

Славик записал цифру и поставил рядом знак вопроса.

– Светильник, – сказал я.

Стас взял стекло снова.

– Светильник – это пластина. Сталь калёная, три прохода. Контур мелкий, внутри знаки, если бы они у нас были, и знаки ещё мельче. Под мелкое фокус держишь в ноль и скорость на самый низ, и на мелком линза горит быстрее всего. Это в паспорте тоже есть, картинкой, её я понял без английского. – Он помолчал. – Я на той неделе сказал: сто штук – это линза. Если повезёт, полторы. И это если больше ничего не резать.

– А мы режем.

– Режем. Скобы. Пары. Матрицы для пресса. Каждый день. – Стас посмотрел на меня. – И если линза встанет посреди заказа, короне ты что скажешь? Что у нас кончилось стекло?

Я не ответил.

Славик посчитал в столбик, стёр, посчитал снова. Потом стянул очки и подышал на стекла.

– Тогда так, – сказал он. – Родная линза на всё, пока живая. Две из подвала на корону, и больше их никто не трогает. Ни на скобы, ни на пары, ни на что.

– А если родная встанет до весны?

– Тогда одна на корону, одна на нас. И полторы нам не светит.

– А потом?

– А потом, Тём, всё. – Славик надел очки. – У нас всё так. Солярка кончилась, генератор кончился, электроды кончатся. Всё, что с Земли, кончается. Ты сам это говорил на третий день.

Я это говорил. Тогда это было про солярку, и про солярку мы нашли жилу. Жилу мы нашли потому, что Гоша полез греться, куда ему было хорошо.

Про линзу Гоша не полезет никуда.

– Скобы для Турга, – сказал я. – Сколько осталось?

– Семь.

– Дорежь. Потом пары пока не режем.

Стас кивнул. Славик записал: пары – стоп. Подчеркнул дважды.

Потом Славик ушёл ужинать, а Стас остался. Он делал это каждый вечер с той ночи, как улетел верстак, и каждый вечер я сидел рядом, с руками в карманах.

На полу у щитка лежал обрезок листа, тот же самый, с карандашной меткой в углу. Стас садился над ним на корточки и вёл пальцем контур съёмника. Прямая, поворот, дуга, крючок, замкнуть. Смотрел.

Ничего не было.

Он вёл медленнее. Вёл быстрее. Вёл левой, хотя он и так левша, и правой, для проверки. Вёл с закрытыми глазами. Однажды вёл, держа в другой руке свой старый контур, пластину, которую вырезал ещё в первую неделю, до всего, и я спросил зачем, и он сказал, что не знает, но вдруг.

Обрезок лежал на полу, где лежал.

– Может, дело в том, что я знаю, что ничего не будет, – сказал он в тот вечер. – А ты не знал. Ты не думал вообще. Палец пошёл сам.

– Может.

– Тогда я не могу. – Он поднялся с корточек, и колени у него щёлкнули. – Я не умею не думать, Тём. Я всю жизнь думаю.

Он убрал обрезок под щиток, на полку, и мы пошли к Санычу.

На другой вечер ужинали у Саныча, как всегда.

Торке днём привёл овцу для Гоши, а для нас привёз на санках баранью ногу, за полмарки, и Саныч тушил её с ячменём до вечера. В бытовке пахло мясом и хлебом, и окно запотело изнутри так, что снаружи ничего не было видно, кроме жёлтого пятна от камня у опоры.

Ларни сидел с краю, рядом с Герой. Сидел он там с первого вечера, и Гера каждый раз двигал ему миску поближе и подливал, и Ларни каждый раз говорил спасибо, коротко, и больше ничего.

– Как болты? – спросил я.

– Сорок сегодня, – сказал Гера. – Тридцать восемь годных. Два в брак, оба мои. Он, – Гера кивнул на Ларни, – ни одного.

Ларни ничего не сказал. Он ел и смотрел в миску.

– Руки у него хорошие, – сказал Саныч. – Ильяда сказала.

– Ильяда много чего сказала, – сказал Гера и покраснел, и Стас тут же спросил, что именно ему сказала Ильяда, и Гера бросил в Стаса хлебом.

Смеялись долго. Ларни тоже улыбнулся, глядя в миску, и я подумал, что за неделю у нас он улыбается уже второй раз, и оба раза за пивом.

Потом Саныч налил пива. Пиво было то же, тёмное, с хлебом в запахе, и он сказал, что это последняя варка до Нового года, а Новый год он будет считать сам, по своему календарю, потому что другого тут нет. Гера спросил, какого числа по его календарю Новый год. Саныч сказал, что когда пиво доспеет, тогда и Новый год.

Гоша за окном завозился на насесте, и снег с опоры сошёл вниз, шурша. Камень в его лапах светил белым.

После второй кружки Стас сходил на свою полку и принёс светильник.

Купленный в Бочках, за сорок гвоздей, с треснувшим краем. Камень с ладонь, обточенный, тёмный. Принёс он и свои листы, четыре, в папке из картона, и положил всё на стол между мисками.

– Тём, – сказал он. – Я думал.

– Давай.

– Весна. Сто штук. Черту мы режем, это не вопрос. Черта у нас есть, вот она. – Он открыл папку и показал верхний лист, тот, где два круга лежат один на другом и сходятся серединой. – Четвёртый лист. Я её с осени срисовал до последней точки. Ширину гуляющую выправил, повороты выправил. Резал три раза. Черта вышла лучше, чем у них, и камень мёртвый. Три раза.

– Знаю.

– Знаков нет. – Стас положил лист. – Знаков нет, и взять их негде. Гриша говорит: учат наизусть, секрет цеха. Цех – это гильдия. Гильдия – это...

Он не договорил.

Тишина за столом получилась короткая, но все её слышали. Гера перестал жевать. Саныч держал ковшик над кружкой и не наливал. Рустам смотрел на светильник. Славик снял очки.

Никто не посмотрел на Ларни. Я это заметил, и заметил, что все старались. Про знаки мы между собой договорились ещё в тот день, когда он пришёл: не спрашивать. Он пришёл к нам делать то, что меряют скобой, и про остальное мы его не спрашивали. Спросить его про знаки – это спросить, продаст ли он деда.

Ларни ел.

– Короче, – сказал Стас, уже тише. – Весной ты им что скажешь?

Он спрашивал это уже второй раз за неделю. Я ответил так же, как в первый.

– Не знаю.

Саньч наконец налил. Гера снова стал жевать. Разговор пошёл про другое, про Ильду, про то, привезёт ли она через месяц вторые двадцать пудов или пришлёт своих, и про то, что Хёгни придёт по кругу через три дня и надо отложить ему мешок гвоздей на род, по уговору. Стас сидел над своими листами и водил пальцем по черте, по кругу, по второму кругу, по общей середине.

Светильник лежал рядом с его локтем.

Ларни доел, отодвинул миску и потянулся за хлебом. Рука его прошла над светильником и остановилась.

Он взял светильник. Сначала просто взял, двумя пальцами, за треснувший край, и поднёс к глазам. Потом повернул к лампе.

Я смотрел на него. Смотрел и Стас.

Ларни поворачивал камень медленно, так, чтобы свет от лампы ложился на него сбоку, низко. Черта при таком свете становилась глубокой и тёмной, оба круга. А в середине, там, где круги сходились, в общей области проступала сетка мелких царапин. Я видел её и раньше, в Бочках, в первый же день: мелкие, короткие, во все стороны, без всякого порядка. Середина была стёртая, как у старой сковородки.

Стас эти царапины срисовывать не стал. Он показывал мне их тогда, осенью, под лупой. Сказал: это протёрто, сюда ладонью кладут, каждый день, годами.

Ларни провёл по середине ногтем большого пальца. Один раз, от края к краю.

Потом положил светильник на стол, перед Стасом, и отнял руку.

– Это знаки, – сказал он.

Стас смотрел на него.

– Там стёрто, – сказал Стас. – Ладонью. Я смотрел.

Ларни ничего не ответил. Он встал, взял свою миску и понёс её к ведру у двери, где Саньч мыл посуду, и больше ничего не сказал.

За столом никто не двигался. Гера так и держал хлеб у рта. Славик держал очки в руке.

Стас взял светильник и поднёс его к лампе, низко, сбоку, как держал Ларни.

Он смотрел на середину долго. Потом полез в карман за лупой, не отводя глаз от камня, и лупа выпала у него из пальцев на пол. Он поднял её, навёл на середину и замер.

– Тём, – сказал он. – Их тут два десятка.

Глава 2

Спать Стас не лёг.

Я вышел от Саныча последним, и он уже сидел у щитка, на ящике, со светильником в одной руке и с лупой в другой, и лампу над щитком опустил на проводе так низко, что она почти лежала у него на коленях. Свет от неё падал на камень сбоку, как у Ларни.

Я сел рядом.

– Иди спать, – сказал он, не поднимая головы.

– Ты иди.

– Я считаю.

Считал он с карандашом. Перед ним лежал лист в клетку, и на листе он рисовал увеличенную середину светильника, по клеточке, ту самую сетку царапин, которую полгода принимал за потёртость. Рисовал медленно. Царапину находил под лупой, переносил на лист, ставил рядом номер.

К полуночи номеров было двадцать два.

– Смотри, – сказал он.

Я посмотрел. На листе было двадцать две закорючки, каждая в своём квадрате, и все разные. Одна была похожа на крючок с засечкой. Другая на два штриха крест-накрест, только один штрих короче. Третья на запятую, у которой хвост раздвоился. Были совсем короткие, в одну черту, были длинные, в три.

– Ни одна не повторяется, – сказал Стас. – Я думал, это буквы. Буквы повторяются. У нас в любом слове есть одинаковые, а тут ни одной.

– Может, это слово длинное.

– Может. – Он снова наклонился к лупе. – Или я не то срисовываю. Смотри вот эту. Шестнадцатую. Она тут кончается, а тут, рядом, ещё штрих, и я не понимаю, это её штрих или соседний.

Я не понимал тоже. Я вообще с трудом отличал одну закорючку от другой, а Стас различал их с первого взгляда и злился, что я не различаю. Под лупой камень был весь в оспинах, и где кончалась одна царапина и начиналась другая, решал глаз, а глаз к часу ночи решал уже как придётся.

Спросить можно было одного человека. Он спал в конторке, в двадцати шагах от нас, за тонкой дверью, и мы оба на эту дверь не смотрели.

– Тём, – сказал Стас. – Мы же договорились.

– Договорились.

– Я и не спрашиваю. Я говорю, что без него я это до весны буду срисовывать.

Он положил лупу, потёр глаза кулаками и посмотрел на свои двадцать два квадрата.

– Короче, – сказал он. – Завтра режу как есть.

– Как есть?

– Всё. Черту, середину, все двадцать две. Точка в точку, как у них. Если оно горит у них, загорится и у нас.

Я подумал, что в этом рассуждении есть дыра, но где, сказать не мог, и спать хотелось так, что дыра меня не волновала.

Утром Ларни стоял у горна, как всегда.

Бил он в такт, по два удара на головку, и головки ложились в ящик одна к одной. Лицо у него было такое же, как вчера и позавчера. Прямое, спокойное, чуть сонное.

Остальные вели себя так, что лучше бы вели себя никак.

Гера пришёл к горну раньше обычного и громко, на весь цех, рассказывал Ларни про погоду. Про то, что снег, что мороз, что под утро в бытовке замёрзла вода в кружке, и что у

них на Земле в такую пору одна слякоть. Ларни кивал. Гера рассказывал дальше, про слякоть. Саньч принёс к горну чай, поставил кружку перед Ларни и ушёл, не сказав ни слова, чего за Саньчем не водилось никогда. Славик прошёл мимо горна три раза, и все три раза с тетрадю, прижатой к груди.

Один Рустам вёл себя обычно. Он точил втулку на первой токарке и на горн не смотрел. У меня он спросил только одно: сколько резов уйдёт на пробы. Я сказал, что не знаю. Он кивнул и больше не спрашивал.

Ларни, по-моему, всё видел. Бил он в такт и не сбивался.

Стас к горну не подходил вообще. Он сидел в брезентовой коробке, и оттуда было слышно, как гудит чиллер.

Я зашёл к нему перед обедом.

На экране у него стоял файл. Черта, оба круга, и в середине, там, где круги сходятся, двадцать две закорючки, те же, что на листе, только чёткие, вычищенные, каждая линия одной ширины.

– Пластину какую? – спросил я.

– Сталь. Калёную. Как съёмник. – Он показал на стол, где лежала заготовка с ладонь, серая, со снятой окалиной. – Гриша говорил, сталь лучше держит. Камень дешёвый, в камне гаснет.

– Линза?

– Родная. – Он посмотрел на меня. – Славик разрешил. Родная на всё. Я ему сказал, что это на всё.

Резал он в три прохода, на малой мощности. Черту за минуту с небольшим. Середину дольше: закорючки были мелкие, и головка над ними ходила медленно, с остановками, и каждая остановка отдавалась у меня где-то в затылке.

Вынул. Остудил в воде. Протёр.

Пластина вышла красивая. Черта шла глубокая, одной ширины, два круга, и в середине, в сходе кругов, стояли двадцать две закорючки, тонкие, чистые, как гравировка на часах.

– Дальше что? – спросил я.

Стас держал пластину на ладони и смотрел на неё.

– Дальше ей нужна сила, – сказал он. – Про это я и не подумал.

Силы у нас было много, и вся она была не там.

Двенадцать плит лежали на жиле, на горе, за забором, за ручьём, и туда в мороз по снегу я Стаса с пластиной в кармане пускать не хотел. Двенадцать других лежали под котлом, в поду, и грели его, а пар крутил машину, а машина крутила вал.

– Одну вынуть, – сказал Стас.

– Из-под котла?

– Одну. На час. – Он повернулся к щитку. – Славик, одну на час?

Славик посмотрел на него так, будто Стас попросил почку.

– Минус одна, – сказал он. – Машина сбросит.

– Сколько?

– Немного. Двенадцатая даёт меньше всех, ты сам знаешь. – Он полистал тетрадь. – Но сбросит. Пресс пойдёт медленнее. Гера будет орать.

– Гера всегда орёт.

– Гера будет орать по делу.

Спорили минут пять. Потом Славик сказал, что на час, и что он будет стоять у щитка с часами, и что если машина сбросит больше, чем он считает, плиту кладут обратно немедленно, и что всё это он запишет. Записал он это сразу, при нас.

Доставал Рустам.

Котёл у нас из двух бочек, сваренных торцами, и под нижней бочкой, в поду, лежат плиты. Лежат в горячей воде из рубашки, и лезть к ним надо через лючок сбоку, который Рустам сам вырезал и сам закрыл на болты, когда ставил котёл. Он открутил болты, снял крышку, и из лючка пошёл пар.

Рустам надел краги, взял крюк из прутка, сделанный им когда-то для горна, и сунул руку по локоть в пар.

Плиту он нащупал не сразу. Первая, которую он зацепил, была крайняя, та, что шла первой в ряду, и её Славик брать запретил, потому что она даёт больше всех. Рустам отпустил её и нащупал последнюю. Вытащил за край, по дну, до лючка, и вынул.

Плита была с локоть, толстая, тёмная, мокрая, и от неё валил пар. Рустам положил её на кирпичи у котла, и пар от неё пошёл гуще.

У щитка Славик сказал цифру. Потом ещё одну, меньше. Потом замолчал и смотрел на стрелку.

Машина у стены сбила такт. Совсем немного, на полудар, и потом пошла дальше, чуть медленнее. Вал под балками зашуршал ниже. Гера у пресса поднял голову, послушал, и открыл было рот.

– Час, – сказал ему Славик от щитка. – Один час, Гера. Потом положим.

Гера рот закрыл. Пресс стучал реже, и Гера, чтобы не терять руку, бил головки под новый стук и ругался на каждый пятый удар.

Плита на кирпичях сохла на глазах. Вода с неё уходила паром, и через минуту она стала сухая, серая, и черта на ней, та самая, по файлу Стаса, стояла чистая, без ржавчины, и от плиты тянуло жаром, как от печки.

– Горячая, – сказал Рустам. – Всегда горячая. Она без котла будет греться.

– Сколько?

– Не знаю. Пока лежит.

Стас положил свою пластину на край плиты. Не в середину, на край, туда, где было не так жарко, и отдёрнул пальцы.

Сначала не было ничего.

Потом в середине пластины, в сходе кругов, поднялся свет.

Тусклый, оранжевый, неровный. Он шёл пятнами, то разгорался, то проседал, и от пластины сразу потянуло горячим железом, хотя лежала она на краю. По черте пробежала дрожь, мелкая, и свет по ней прошёл волной и собрался обратно в середину.

Это я уже видел. Так горел светильник из Бочек на ржавом съёмнике у ручья, осенью, тем же цветом и так же неровно, пока не сел.

– Горит, – сказал Гера от пресса. Он всё-таки подошёл. – Тём, горит же.

– Горит, – сказал Стас. Голос у него был странный. – Криво. Но горит.

Пластина грелась. Через минуту на неё нельзя было положить руку, через две над ней задрожал воздух. Свет не прибавлялся. Он так и ходил пятнами, оранжевый, и в двух местах на пластине, у самых закорючек, металл начал синеть.

– Снимай, – сказал Рустам.

Стас снял её клещами и бросил в ведро. Ведро зашипело.

Мы стояли над ведром, вшестером.

– Работает, – сказал Стас. – Короче, работает. Знаки работают. Не так, но работают.

– Как не так?

– Не знаю, как не так. – Он сел на корточки над ведром. – Светить должно белым. Не греться. Лавочник в Бочках говорил: греется, когда черта села. А тут он греется новый, как та дрянь у ручья. Значит, течёт. Значит, в знаках что-то не то.

Я поднял голову.

У горна, в тридцати шагах, стоял Ларни. Молот он держал в руке и не бил. Смотрел он сюда, на кирпичи, на ведро, на плиту, и смотрел, по-моему, с той секунды, как пластина загорелась оранжевым. Отсюда, через весь цех, свет её было видно.

Когда я посмотрел на него, он отвернулся к горну и ударил.

Плиту Рустам вернул под котёл через сорок минут, не дожидаясь часа. Славик сказал спасибо. Машина у стены подхватила такт, и Гера у пресса выдохнул.

Вечером я пошёл к горну сам.

Ларни дочищал горн на ночь. Выгребал золу, подсыпал угля, чтобы до утра держался жар, и ставил в угол клещи. Делал он это так же, как всё, без спешки и в одном порядке. Я постоял рядом. Он кончил и выпрямился.

– Видел? – спросил я.

– Видел.

Мы помолчали. От горна шло тепло, и уходить отсюда не хотелось никому, это я знал: вечером у горна собирались все, кто не спал.

– Слушай, – сказал я. – Скажу один раз, и больше не буду. Мы тебя не спрашиваем. Ни я, ни они. Мы про это договорились в тот день, когда ты пришёл. Ты пришёл бить болты, и бьёшь ты их лучше Геры, это Гера сам сказал. Если ты ничего не скажешь, ничего не будет. Бьёшь дальше, плата та же, кормёжка та же. Выгонять никто не будет.

Думал он долго, даже для себя. Я ждал.

– Ты знаешь, что просишь, – сказал он наконец.

– Я не прошу.

– Ты не просишь. – Он кивнул. – Ты стоишь у горна и говоришь, что не просишь. Дед так же стоял.

Возразить мне было нечем. Я и правда стоял.

– Это не твой светильник, – сказал он. – Это бочковый. Дешёвый. Такой режут в каждой лавке от Бочек до Вагги, и сочетание в нём знает любой подмастерье через год. Секрет в нём маленький.

– А не маленький?

– А не маленький я не скажу. – Он посмотрел на меня прямо. – Не сейчас. Может, никогда. Решу сам.

– Хорошо.

– Этот скажу. Этот один.

Я ждал, что он скажет почему. Он молчал, и я подумал, что не скажет, и тогда он сказал:

– Дед говорил: вещь обязана садиться. Сто двадцать лет так говорил. – Он поднял с плиты клещи и повесил их на гвоздь, хотя они уже висели на месте, просто на другом гвозде. – Я хочу посмотреть на ту, что не сядет.

– Посмотришь.

– И ещё. – Он повернулся ко мне. – Ты сказал, чтобы я говорил тебе, прежде чем писать деду.

– Сказал.

– Говорю. Когда он загорится белым, я напишу.

Я подумал про Дреска у стола в Вагге, про то, как он встал сам, и про гири, которые он оставил на столе.

– Что напишешь?

– Что видел, – сказал Ларни. – Он поймёт.

Пластину из ведра Стас принёс к горну сам. Ларни туда, дальше горна, ходить нельзя, и он не пошёл бы, и Стас это знал. Принёс ещё свой лист с двадцатью двумя квадратами и светильник из Бочек.

Ларни сел на чурбак, на котором днём сидит Гера, взял светильник и повернул к огню, низко, так же, как вчера к лампе.

– Сколько насчитал? – спросил он Стаса.

– Двадцать два.

Ларни, мне показалось, чуть не улыбнулся.

– Четыре, – сказал он.

Стас открыл рот.

– Четыре знака, – повторил Ларни. Он положил светильник на колено и показал ногтем, не касаясь. – Этот. Этот. Этот, длинный. И этот, в три черты. Остальное рука.

– В смысле рука?

– Резчик. – Ларни провёл ногтем по краю середины, по мелким штрихам, которые Стас старательно пронумеровал с первого по двадцать второй. – Тут он повёл и дёрнулся. Тут поправил. Тут начал второй раз, первый не понравился. Тут подчищал заусенец. Это лавочная работа, на похмелье. Он резал его, может, в сотый раз и не смотрел.

Стас посмотрел на свой лист. На двадцать два квадрата, по клеточке, с номерами.

– Я вырезал похмелье, – сказал он медленно.

– Ты вырезал похмелье, – согласился Ларни. – И машина твоя вырезала его точно. Поэтому и течёт.

Гера у горна засмеялся первым, громко, как он умеет. За ним Саныч. Стас сначала покраснел, потом засмеялся тоже, и смеялся дольше всех, и смеялся, по-моему, от облегчения.

– А эти четыре что? – спросил я.

Ларни показал снова, по одному.

– Свет, – сказал он про первый, похожий на крючок с засечкой. – Белый, – про второй, крест-накрест. – Сколько брать, – про длинный. – И этот. Этот говорит: не греть. Всё, что взял, в свет. Ничего в жар.

– А если без него?

– Без него греется. – Ларни пожал плечами. – У вас он есть. Вы его вырезали. Но он у вас мелкий.

– Мелкий?

Ларни взял из ведра Стасову пластину, мокрую, с синими пятнами у знаков. Повертел. Поднёс к огню.

– Черта у вас глубокая, – сказал он. – Одна по всей длине, такой никто не режет. А знак мелкий. Знак должен быть в полчерты. У вас он в четверть. Черта его ест.

– В полчерты чего? – спросил Стас. – Ширины? Глубины?

– И того, и того. – Ларни подумал. – Рукой так не выходит. Рукой знак всегда мельче черты, поэтому всё и садится, и перечерчивают. Учат, что в полчерты. А делают как выйдет.

Стас смотрел на пластину.

– У меня он тоньше, потому что я его тоньше сделал, – сказал он. – Он мелкий, я думал, так аккуратнее.

– Аккуратнее, – согласился Ларни. – Только ему не надо аккуратнее. Ему надо в полчерты.

Стас перевёл глаза с листа на Ларни.

– А если бы тут был не свет? – спросил он. – Если тепло. Или чтобы держало. Там какие знаки?

Ларни поднял на него глаза и ничего не ответил. Смотрел он спокойно, без обиды, и молчал так долго, что Стас покраснел второй раз за вечер.

– Понял, – сказал Стас. – Этот один.

– Этот один, – сказал Ларни.

Он положил пластину обратно в ведро, встал с чурбака и сказал, что пойдёт спать. У двери конторки обернулся.

– Когда загорится, позовите.

Резал Стас ночью.

Это была его привычка ещё с Земли: если что-то не выходит днём, он сидит до утра, и утром приходит со словом короче и с тем, что вышло. Я сидел у щитка. Спать я всё равно не мог.

Файл он перерисовал заново. Из двадцати двух закорючек оставил четыре. Каждую переснял с лупой ещё раз, со светильника из Бочек, но теперь рисовал то, что под царапиной хотел сказать резчик: крючок и засечку, крест, длинный штрих, три черты. Толщину выставил в полчерты. Глубину тоже.

– Проверь, – сказал он мне в час ночи и развернул экран.

Я посмотрел. В середине, в сходе кругов, стояли четыре знака. Чистых, крупных, спокойных. Рядом с чертой они больше не выглядели гравировкой на часах. Они выглядели так, будто их туда поставили нарочно.

– Режь.

Резал он в три прохода, как днём. Линза была родная. Я смотрел, как головка ходит над пластиной, и считал в уме, сколько это стоит, и сбивался, и начинал заново.

Пластину он остудил, протёр и положил на стол под лампой. Мы на неё не смотрели. Мы ждали утра.

Около двух к щитку вылез Славик. В ватнике поверх белья, в очках и с тетрадью. Сказал, что не спится, и что он слышал, как гудит чиллер, и что по звуку это третий проход, и что он хочет знать, сколько часов на счётчике. Стас сказал. Славик записал.

Потом сел на ящик рядом со мной и долго молчал.

– Тём, – сказал он. – Допустим, загорится.

– Допустим.

– Белым. Не греется. Всё, как Ларни говорит. – Он постучал карандашом по тетради. – А на что ты его положишь?

Я не понял.

– Короне, – сказал Славик. – Сто штук. Они у тебя будут гореть, пока лежат на плите из-под котла. Плита из-под котла горит, пока на горе лежит её пара. Пара дальше версты не держит, ты сам это говорил. – Он поднял на меня глаза. – Их светильники где будут висеть? В лесу у королевы? Это не верста, Тём. Это девять дней.

Стас у экрана перестал щёлкать мышью.

Про это я не думал. Точнее, думал, но в другой очереди: сначала чтоб загорелся, потом остальное. А Славик в два часа ночи встал из тёплой постели и пришёл сказать мне про остальное.

– Гошин камень горит без плиты, – сказал Стас.

– Гошин камень горит от Гоши, – сказал я.

– А от чего горит у лавочника в Бочках? Там ни Гоши, ни плиты.

– От ладони, – сказал Славик. – Эльф положил ладонь, и горит. Убрал, и погас. Тём, это ты мне рассказывал, я это записал в тот же вечер.

Мы помолчали. Под балками крутился вал, в стене стучала машина.

– Лёха сказал: горящих без мага и без подновки, – сказал я. – Он не сказал: без плиты.

– Он не сказал, – согласился Славик. – Потому что он не знает, что у нас плита. И корона не знает. Корона видела камень у дракона, и камень у дракона горит сам. Они хотят сто таких, которые горят сами. – Он закрыл тетрадь. – А у нас сто таких, которые горят, если к каждому прислать по котлу.

Стас засмеялся, коротко и зло.

– Короче, мы сделали лампочку, – сказал он. – А розетки у них нет.

– Сделали ещё не сделали, – сказал Славик. – Утром посмотрим.

Он ушёл спать. Я остался у щитка до утра и считал, сколько стоит одна плита, и выходило, что две линзы на сто светильников с плитами не хватит даже на половину, если к каждому светильнику резать ещё и пару. И что везти эту пару в эльфийский лес не на чем и незачем, потому что за верстой она не держит.

Выходило много всего. Ничего хорошего не выходило.

Утром из-под котла доставали вторую плиту.

Доставал опять Рустам, тем же крюком, из того же лючка. Славик стоял у щитка с часами. Машина сбила такт на полудар, как вчера. Гера у пресса открыл рот, посмотрел на Славика и закрыл.

Плиту положили на кирпичи у горна. Ларни отошёл к стене и стоял там с молотом, не глядя.

Стас положил пластину на край плиты и убрал руки.

В этот раз ждать не пришлось.

Свет поднялся сразу, из середины, из четырёх знаков, и за один вдох дошёл до краёв пластины. Белый, без единого пятна. Он стоял на месте и не мерцал, и не ходил волной, и не проседал. Черта под ним была тёмная и чистая, и знаки в середине горели чуть ярче остального.

Рустам положил рядом, на тот же край плиты, чистый обрезок той же стали, без черты. Подождал. Потом потрогал оба, сначала обрезок, потом пластину, тыльной стороной пальцев.

– Одинаковые, – сказал он. – Греет плита. Сама она не греется.

Я потрогал тоже. Обрезок и пластина были тёплые одинаково, как раз на столько, на сколько грел край плиты, и ни на волос больше.

Гоша на насесте за стеной завозился. Со своего места я его видел в щель ворот: он поднял голову и смотрел куда-то сквозь стену, в цех. Посмотрел, опустил голову и лёг обратно.

Никто ничего не говорил. Славик у щитка забыл посмотреть на часы. Потом вспомнил про тетрадь, открыл её на той странице, где наверху стояло слово светильники, и под строкой про знаки написал новую. Я видел её через его плечо. Знаки – четыре. Подумал и дописал в скобках: один светильник. Саныч стоял с половником в руке и про половник забыл. Гера положил вилку на пол.

Стас смотрел на пластину и молчал. Потом сел на кирпичи рядом, прямо на пол, и продолжал смотреть.

Ларни отошёл от стены и подошёл к горну. Дальше горна он не пошёл, и пластину было видно ему отсюда. Смотрел он на неё долго. Лицо у него не менялось.

– Греется? – спросил он меня.

– Не больше плиты.

Он кивнул. Посмотрел на свет ещё. Потом повесил молот на гвоздь и вытер руки о фартук.

– Теперь напишу деду, – сказал Ларни.

Каждый подписчик продвигает получение расширенного КС на литресе! А еще вы будете знать, когда выйдет глава/книга (я надеюсь у них система эта работает)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.